

**УЗНИКИ
ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ
КРЕПОСТИ**

Н. А. МОРОЗОВ

В. ОЗЕРОВ

Н. А. МОРОЗОВ

ЛЕНИЗДАТ • 1966

По улицам революционного Петрограда гулял студеный ветер, кружилась ноябрьская поземка. А в просторном, давно не топленном актовом зале бывшей гимназии в этот вечер было даже душно. Послушать необычную лекцию «Мировая химия» сюда собралась самая разношерстная публика: форменные шинели инженеров, учителей реальных училищ и студентов смешались с кожаными куртками, полушубками, бушлатами. У многих пришедших на лекцию в руках были винтовки, на рукавах — красные повязки.

За кафедрой стоял высокий, худощавый человек с пушистыми поседевшими усами и бородой, в очках в металлической оправе. Он увлеченно рассказывал о науке, которую сам открыл.

— Химия мира, иначе — химия Вселенной, убеждает, как я уже говорил, в единстве вещественного состава всех небесных светил, находящихся на одинаковых стадиях своей космической жизни. Наука утверждает также, что человек рано или поздно вырвется

из сферы земного притяжения, полетит к звездам и раскроет тайны космоса. Те, кто из нас помоложе, будут свидетелями полетов человека на Луну и в чужедальные миры...

Запоздавший на лекцию юноша спросил стоявшего в дверях красногвардейца:

— Кто это выступает?

— Морозов, Николай Александрович, — ответил тот шепотом. — Большой ученый... и, главное, революционер. Говорят, тридцать лет провел в царской тюрьме и на каторге... В Шлиссельбургской крепости сидел... И в Петропавловке...

* * *

Молодой богатый ярославский помещик Щепочкин влюбился в свою крепостную Морозову — красивую и довольно образованную по тем временам девушку, дал ей вольную и женился на ней. В 1854 году у молодых супругов родился сын Николай, но так как их брак не был освящен церковью, сын получил фамилию матери.

С детства мальчик отличался необыкновенной любознательностью и особым пристрастием к естественным наукам. Он по несколько раз перечитывал все имеющиеся в библиотеке отца книги на естественнонаучные темы, собирал гербарии, коллекции минералов, забирался на крышу дома и часами изучал звездное небо.

Поступив затем в московскую классическую гимназию, Николай и там продолжал внеклассные занятия естественными науками, накупил на толкучке книг и даже организо-

вал из полутора десятка свободомыслящих товарищей «тайное общество естествоиспытателей-гимназистов», так как явные занятия этим предметом в гимназиях тогда преследовались. Наряду с трудами Дарвина и Фарадея юные естествоиспытатели изучали произведения Писарева, Добролюбова, Чернышевского. Они издавали также нелегальный журнал, в котором помещали научные статьи и делились своими политическими размышлениями.

В юношеском возрасте Морозов продолжал приобретать разносторонние знания по геологии, ботанике, математике, организовал у себя дома маленькую химическую лабораторию, посещал анатомический театр Московского университета. Перед Николаем открывался путь ученого. Профессор университета Щуровский прочил талантливого юношу в геологи и уже считал его своим преемником. Но 1874 год круто изменил жизнь и планы Николая Морозова.

Редактируемый им вышеупомянутый рукописный журнал как-то попал в руки Алексеевой — члена московского кружка «чайковцев»¹. У Алексеевой ежедневно бывали наиболее видные революционеры того времени — Кравчинский, Клеменц, Шишко, Саблин и другие. Они заинтересовались журналом и его редактором, познакомились с ним и ввели

¹ «Чайковцы» — петербургский кружок революционных народников начала 70-х годов XIX века: незаслуженно назван именем члена кружка Н. В. Чайковского, не являвшегося создателем или руководителем кружка.

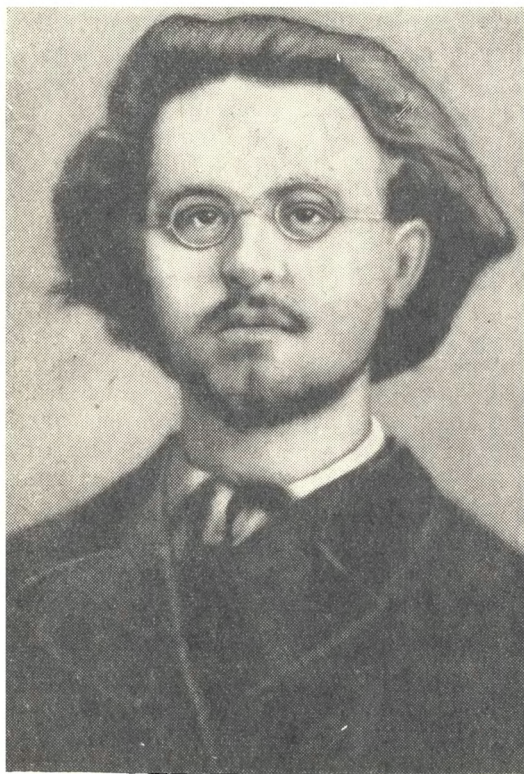
в свою штаб-квартиру. Морозов получил доступ к тайной студенческой библиотеке Алексеевой, где была собрана вся запрещенная иностранная литература, активно участвовал во всех собраниях тайного общества «чайковцев».

В душе Николая Морозова началась трудная борьба: куда идти — в увлекательный мир естественных наук или в революцию? Все прежнее тянуло в науку, все новое — в революцию. И новое взяло верх.

Это было время знаменитого «хождения в народ», когда вся революционно настроенная студенческая молодежь видела главную цель своей жизни в пропаганде освободительных идей среди крестьян и горела желанием постепенно подготовить их к восстанию против самодержавия.

Народники не понимали передовой революционной роли пролетариата в преобразовании общества, отрицали ее и полагали, что капитализм не будет развиваться в России. Главной революционной силой они считали крестьянство, руководимое интеллигенцией. Но, не понимая классовой природы крестьянства, не имея ни четкой организации, ни революционной теории, народники не могли поднять крестьян на борьбу с самодержавием. Впоследствии сам Морозов писал: «Мы шли тогда по доброму, но непрактичному пути и... подобным путем мы могли нанести только легкую царапину старинному Голиафу самовластья, против которого мы шли с невооруженными руками».

И вот летом 1874 года Морозов отправился

-*

Н. А. Морозов.
Фотография начала 70-х годов.

на борьбу с «Голиафом самодержавия». Преодевшись рабочим, выдавая себя то за кузнеца, то за печника, сапожника или пильщика (перед «хождением в народ» Морозов овладел мастерством сапожника, некоторое время работал молотобойцем в деревенской кузнице), он ходил из деревни в деревню, вел беседы с крестьянами, распространял среди них запрещенную литературу. «Хождение в народ», как известно, не оправдало надежд революционеров-народников. Более тысячи из них было арестовано. Спасаясь от преследований царской охранки, ушел из деревни и Морозов. Вернувшись в Москву, он участвовал в попытке отбить на улице у жандармов арестованного товарища — Волховского. Попытка кончилась неудачей. Морозова разыскивала полиция. Чтобы спасти юношу от ареста, друзья решили отправить его за границу. Морозов перебрался через русско-немецкую границу, а затем отправился в Женеву.

* * *

Снежные вершины гор, лазурные озера, изумрудные леса — эта веками прославленная, неповторимая красота Швейцарии не смогла зачаровать русского юношу. Не лицезреть красоты живописнейшего уголка Европы приехал сюда Морозов. С первых же дней своего невольного изгнания он начал устанавливать связи с русскими эмигрантами, затем стал редактором журнала «Работник», сотрудничал в лондонском журнале «Вперед», издаваемом Лавровым.

Международная ассоциация революционных рабочих приняла его в секцию Парижской коммуны. Ему вручили документ, на первой странице которого по-французски было написано: «Член Интернационала Николай Морозов, кузнец».

Все дни проводил он в эмигрантской типографии. Здесь же и ночевал. Постелью ему служили старые подшивки газет.

В этот период Морозов много занимался: изучал социологию, историю всех революций, политэкономия, в том числе и I том «Капитала» К. Маркса. А в промежутках между работой и занятиями бродил с товарищами по склонам гор.

Но Морозова тянуло в Россию, где бы он мог продолжать революционную борьбу. И он решает вернуться на родину.

Накануне отъезда из Женевы, просматривая свежую почту, Морозов прочел опубликованный в журнале «Вперед» список «самых опасных русских заговорщиков», разосланный правительством по всем полицейским учреждениям Русской империи для усиленного их розыска и ареста. В этом списке он нашел и свою фамилию. Сложив вдвое журнал и сунув его в карман, Морозов отправился на вокзал за билетом.

* * *

В январе 1875 года на таможенном пункте русской границы был задержан немецкий подданный Энгель; его внешность совпадала с приметами, по которым жандармы разыски-

вали Морозова. Вскоре было установлено, что Энгель и Морозов — одно и то же лицо.

Три года Морозов, вместе с другими арестованными народниками, ожидал суда в тюрьме Петербургского дома предварительного заключения. К счастью, здесь было разрешено пользоваться библиотекой, и Морозов все время проводил в занятиях математикой, физикой, астрономией, изучал иностранные языки. Вместе с тем он готовился к будущим испытаниям революционера-профессионала, удел которого — тюрьмы и каторга: освоил тюремную азбуку перестукивания, выработал свою систему ежедневных физических упражнений. Как все это впоследствии пригодилось ему во время долгих лет одиночного заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях!

18 октября 1877 года начался большой процесс над революционерами-народниками, вошедший в историю как «Процесс 193-х»¹. Правительство рассчитывало на этом процессе опозорить революционную молодежь, вдоволь поглумиться над ней и одновременно предстать перед общественным мнением страны и Европы в качестве блюстителя законности и демократии. Именно с этой целью в «Правительственном вестнике» было обещано опубликовать самый подробный стенографический отчет о процессе. Однако никакого отчета в печати не появилось. Почему?

¹ «Процесс 193-х» (или «Большой процесс») — судебное дело революционеров-народников, разбиравшееся в Петербурге в особом присутствии сената.

Когда подсудимых ввели в зал, они со слезами на глазах и криками радости бросились друг к другу. Суд и жандармы растерялись. На призывы к порядку никто не обращал внимания. Только после того как волнения встречи улеглись, подсудимые расселись по своим местам.

На первом же заседании обвиняемые выступили с протестом, заявив, что не признают закрытого суда, встали с мест и направились к выходу. На следующем заседании герой процесса И. Н. Мышкин (он был арестован при попытке освободить Н. Г. Чернышевского из Вилюйского острога) заявил, что обвинительный акт полон клеветы, а судебный процесс — не что иное, как разыгрываемая комедия. Отметая грудой лжи, нагроможденной против революционеров в обвинительном акте и официозной печати, Мышкин объяснил истинное положение дел в стране и намерения революционной интеллигенции. Протест Мышкина был настолько бурно поддержан всеми его товарищами и защитой, что вооруженная охрана бросилась оттеснять защиту от подсудимых. При общем шуме и гвалте заседание суда было закрыто.

На новом заседании подсудимые при входе суда остались сидеть на своих местах.

Встретив такой отпор, власти пошли на вероломный шаг и разделили подсудимых на 17 групп. Почти три месяца длился «Процесс 193-х». Затея властей провалилась. Наоборот, мужественное поведение подсудимых на процессе вызвало искреннее сочувствие в широких кругах русского общества.

Морозов, как и остальные, отказался на суде давать какие бы то ни было показания и был приговорен к 18 месяцам заточения, но тут же освобожден, так как этот срок был ему заменен тремя годами, уже проведенными в тюрьме предварительного заключения.

* * *

Н. А. Морозов сразу же перешел на нелегальное положение: друзья сообщили ему, что в III отделении «собственной его императорского величества канцелярии» приговор над ним нашли слишком мягким и назначили ссылку в Архангельскую губернию.

Прежняя революционная деятельность — «хождение в народ» — уже не удовлетворяла Морозова. Он пришел к выводу, что при существующем в стране политическом режиме пропаганда среди крестьян не может принести желаемых результатов, что единственным методом борьбы должен быть якобы индивидуальный террор.

Весной 1878 года Морозов отправился в Харьковскую губернию, чтобы с оружием в руках освободить осужденных по «Процессу 193-х» товарищей — С. Ф. Ковалика и П. И. Войнаральского, которых должны были перевезти из Петербурга в Чугуевскую тюрьму. Группа смельчаков — Морозов, Софья Перовская, Баранников, Квятковский и другие — организовала на дороге из Харькова в Чугуев засаду. Но попытка освободить товарищей окончилась неудачей. Лошади жандармов, раненные выстрелами Баранни-

кова, понесли карету с арестованными, и их не удалось догнать. Неудачей окончилась и попытка Морозова организовать вооруженное освобождение Брешковской, которую перевозили этапом в Сибирь.

Вернувшись в Петербург, Морозов стал редактором журнала организации революционных народников «Земля и воля».

Вскоре среди членов этой организации начались принципиальные разногласия: Н. А. Морозов призывал к «активной революционной борьбе», то есть к террору, а соредактор журнала Г. В. Плеханов, становившийся в то время на правильные марксистские позиции, отрицал индивидуальный террор как метод политической борьбы и по-прежнему придерживался старой народнической программы действия — пропагандистской деятельности среди крестьянства.

Чтобы выйти из затруднения, Морозову предложили излагать свои личные взгляды на борьбу с самодержавием в особом органе «Листке „Земли и воли“», а в журнале «Земля и воля» вести хронику революционного движения и помещать свои статьи нейтрального характера.

Между тем разногласия в «Земле и воле» усиливались. Сторонники террора втайне от других организационно обособились, именуя себя Исполнительным комитетом Северно-революционной партии, и создали боевую группу, девизом которой были слова: «Свобода или смерть».

Летом 1879 года на Воронежском съезде произошел окончательный раскол «Земли и

воли» на две организации: «Черный передел» во главе с Плехановым и «Народную волю».

«Народной волей» руководил Исполнительный комитет, в который входили А. И. Желябов, С. Л. Перовская, Н. А. Морозов, А. Д. Михайлов и другие. Всего 31 человек. Редакторами газеты «Народная воля» (вышло 12 номеров) были выбраны Н. А. Морозов и Л. А. Тихомиров.

Новая организация заявила о себе как о выразительнице воли народа и объявила беспощадную войну самодержавию. «Народная воля» ставила своей ближайшей целью произвести политический переворот, уничтожить существующее государство и передать власть народу. Впоследствии намечалась передача земли народу и разработка мер по переходу в руки рабочих фабрик и заводов.

Застрельщиком восстания, по мнению народовольцев, должна быть интеллигенция, а народные массы рассматривались лишь как вспомогательная сила. И все-таки «Народная воля» не собиралась оставаться узкой группой заговорщиков. Именно в стремлении «привлечь к своей организации *всех* недовольных и направить эту организацию на решительную борьбу с самодержавием» В. И. Ленин видел «великую историческую заслугу»¹ народовольцев.

Программа деятельности «Народной воли» делилась на пропагандистско-агитаторскую и разрушительную. В основном же практические дела народовольцев свелись к выполне-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 135.

нию второй части программы — террористической, в частности — к организации убийства царя, согласно решению Исполнительного комитета «Народной воли» от 26 августа 1879 года. Народовольцы верили в возможность искусственного создания условий для восстания. Они полагали, что если удачными террористическими актами уничтожить царя и десяток-другой человек — столпов самодержавия, то правительство охватит паника, а народные массы будут возбуждены. Этими обстоятельствами и можно воспользоваться для того, чтобы начать восстание.

Осенью того же года народовольцы трижды организовывали покушения на Александра II, но, как известно, попытки эти были безрезультатны. После неудачного покушения 19 ноября 1879 года, когда царский поезд уцелел благодаря случаю, а вместо него были взорваны вагоны поезда со свитой императора, Морозов чуть было не подвергся аресту.

Спустя два месяца царской охранкой была обнаружена и разгромлена тщательно законспирированная подпольная типография «Народной воли». Свобода и жизнь Морозова находились под угрозой, и друзья снова решили отправить его за границу.

* * *

...Знакомая Женева, жизнь вдали от Родины.

В первый же месяц эмиграции Морозов написал брошюру «Террористическая борьба», в которой дал теоретическое обоснование дея-

тельности народовольцев. Затем он задумал написать «Историю социалистического движения в России за 1873—1875 гг.» и, наладив обширную переписку с проживающими за границей русскими эмигрантами, приступил к сбору материала.

Кроме того, вместе с Л. Н. Гартманом, П. Л. Лавровым и М. П. Драгомановым Николай Александрович начал издавать ряд оригинальных и переводных произведений под общим названием «Русская социально-революционная библиотека». Первой книжкой этой библиотеки была «Парижская коммуна» П. Лаврова.

Поскольку на Морозова были возложены все организационные дела вышеупомянутого издания, Николай Александрович решил в первую очередь привлечь к участию в «Русской социально-революционной библиотеке» Карла Маркса.

В начале января 1881 года Морозов отправился в Лондон. На второй день после прибытия в английскую столицу он вместе с Гартманом уже был у Маркса. Спустя много лет, в 1935 году, в газете «Известия» от 7 ноября, вспоминая об этой встрече, Николай Александрович писал:

«Мое первое впечатление от Маркса было определено фразой: как он похож на свои портреты!

После того как мы поздоровались и уселись вокруг небольшого стола с диваном у стены, я, смеясь, сказал ему это. Он тоже засмеялся и ответил, что это ему часто говорят и что как-то курьезно чувствовать себя

Н. А. Морозов.
Фотография середины 70-х годов.

человеком, на которого не портрет его похож, а он сам похож на свой портрет.

Оказалось, что он меня уже ждал с большим интересом, потому что Гартман, которому я предварительно написал о своем приезде и о замысле побывать у Маркса, уже несколько дней назад предупредил его об этом. Маркс мне сказал, что очень будет рад дать мне даже не одну статью для «Социально-революционной библиотеки» и снабдит выбранную нами его статью небольшим предисловием, как только мы пришлем ему корректуру ее перевода. Узнав, что я могу остаться в Лондоне лишь три-четыре дня, он пригласил меня побывать у него еще раз до отъезда и обещал приготовить несколько своих и Энгельса книжек.

...Разговор продолжался главным образом о наших народовольческих делах. Маркс чрезвычайно интересовался ими и говорил, что наша борьба с самодержавием представляется ему и всем европейцам чем-то совершенно сказочным, возможным только в фантастических романах»¹.

Через два дня, перед отъездом из Лондона, Морозов вновь посетил Карла Маркса, и тот

¹ В книге «Карл Маркс. Даты жизни и деятельности. 1818—1883» (Партиздат, 1934, стр. 369) под датой «ок. января 1881 г.» сообщается: «Рекомендованный Львом Гартманом русский революционер Н. А. Морозов просит Маркса от имени партии „Народной воли“ сотрудничать в органе партии, который должен выходить в Женеве, и, между прочим, информирует его о причинах, приведших к расколу партии „Земля и воля“ на „Черный передел“ и „Народную волю“».

вручил ему уже приготовленную литературу, в том числе «Манифест Коммунистической партии».

Когда Морозов сказал, что через две-три недели он возвратится в Россию, Маркс крепко пожал ему руку и пожелал счастливого пути. Оба обещали переписываться друг с другом. На прощанье Карл Маркс сказал:

— Желая вам с победой возвратиться еще раз к нам. Ваш царь, бывший ранее опорой европейской реакции, сидит теперь пленником революции в своем Царском Селе.

Впоследствии эти слова почти буквально были повторены Карлом Марксом в предисловии к русскому изданию «Манифеста Коммунистической партии».

В Женеве Морозова ожидало письмо Софьи Перовской. Она сообщала, что ряд готовящихся в России событий требует его быстрого возвращения. Морозов немедленно собрал свои вещи и отправился на родину.

...Он был арестован, как и в первый раз, при переходе границы около Вержболова и заключен в Варшавскую цитадель, а затем перевезен в Петербург. Когда же от предателя Дегаева жандармы узнали, что задержанный ими подозрительный «студент женевского университета Локьер» является не кем иным, как «опасным государственным преступником» Морозовым, они сразу же препроводили его в Петропавловскую крепость.

Начался страшный период жизни, и мерилom его были не дни и месяцы, а десятилетия одиночного заточения.

Еще в Варшавской цитадели товарищ по соседней камере сообщил перестукиванием Морозову о состоявшемся 1 марта покушении на Александра II и о гибели императора. Позже, находясь в Петербургском доме предварительного заключения, Морозов узнал из циничного рассказа одного из надзирателей о казни Перовской, Желябова и других первомайцев. И теперь, ожидая суда в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, он готовился к самому худшему, так как почти не сомневался, что его казнят.

Он сидел в камере, расположенной в первом изгибе нижнего коридора. Камера была изолированной: с одной стороны она примыкала к лестнице, с другой — к кладовке, так что перестукиваться с другими заключенными не было возможности.

Один допрос следовал за другим. Чтобы расшатать нервы узника и склонить его к признанию, часто практиковался следующий способ: часа в три ночи в камеру с шумом и грохотом врывалась орава жандармов. Тюремщики поднимали Морозова с койки, свали ему в руки одежду, вели куда-то вниз по лестнице, а затем водворяли снова в камеру. Но и этот метод не помогал: на допросах Морозов решительно отвергал все предъявленные ему обвинения.

В Трубецком бастионе Морозов провел около года. В феврале 1882 года в особом присутствии правительствующего сената состоялся «Процесс 20-ти». Вместе с Н. А. Морозовым судили А. Д. Михайлова, М. Ф. Фроленко,

Н. В. Клеточникова, Н. Е. Суханова и других народовольцев. Кроме общего обвинения в принадлежности к тайному революционному обществу Морозову ставилось в вину участие в попытке взорвать царский поезд в ноябре 1879 года. Виновным он себя не признал и отказался давать показания по существу, ибо это, как он впоследствии сам говорил, «могло бы повредить моим друзьям и знакомым и послужить целям правительства».

Во время обвинительной речи прокурора Муравьева подсудимые, в том числе и Морозов, часто протестовали против его заявлений.

Десять обвиняемых по процессу были приговорены к смертной казни, замененной затем бессрочной каторгой. Только для морского офицера Суханова приговор был оставлен в силе, и его вскоре расстреляли в Кронштадте.

Морозов в числе пяти других обвиняемых был сразу приговорен к пожизненному заключению. Жандармы, однако, считали Морозова «весьма опасным революционным деятелем вследствие особенности характера его деятельности, не дающей возможности уличить его во вредном направлении».

...На личном докладе министра внутренних дел графа Игнатьева новый император Александр III красным карандашом отчеркнул десять фамилий опаснейших лиц, намеченных к пожизненному заточению в самую секретную и самую страшную тюрьму всех времен царизма — Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. Среди имен обреченных была и фамилия Морозова.

На вторую ночь после суда в камеру Трубецкого бастиона, где находился Морозов, ворвалась группа жандармов. Узнику велели полностью раздеться, одежду тщательно обыскали, ощупав каждый шов. Затем Морозову приказали одеться в другую, принесенную одежду, схватили его под руки, стремительно потащили волоком по лестнице и коридорам, вытолкнули в какой-то дворик и захлопнули дверь. Морозов остался один под открытым небом. На непокрытую голову медленно падал снег. В ту же минуту в противоположном конце дворика распахнулась дверь, оттуда выскочила другая группа жандармов. Узника снова схватили под руки и бегом поволокли дальше по узким застенкам между строениями крепости, затем через деревянный мостик — в одноэтажное замкнутое треугольное здание.

Морозов понял, что это Алексеевский рavelин, так как перевод туда производился только ночью. Сразу стало ясно и другое — почему тюремщики Трубецкого бастиона вытолкнули его одного во дворик, а сами остались за дверью: они не должны были знать, кто и куда поведет узника дальше.

При свете лампы Морозов увидел усатого жандармского капитана, человека звериного вида, с тяжелым подбородком и фигурой палача. Это был новый смотритель тюрьмы Соколов. Он сказал:

— Мне приказано говорить всем заключенным «ты», и я это исполню. Здесь такое место, о котором никто не должен знать, кроме

государя, коменданта да меня. За всякий шум и перестукивание будет строгое наказание. За попытку говорить через дверь — тоже.

Этому человеку предстояло сыграть зловещую роль в жизни узников Алексеевского равелина...

Морозова повели по узкому коридору. Возле одной двери стражники остановились. Через минуту, переступив порог камеры, Николай Александрович Морозов приобретает новое имя. Это будет просто цифра 10 — номер камеры. А прежнее его имя здесь не знает никто, даже начальство надзирателей, — он потерял его в то время, когда переходил деревянный мостик, ведущий в равелин.

Морозов вошел в камеру и поскользнулся: пол был покрыт толстым слоем плесени. Фонарь следовавшего за узником жандарма осветил помещение, и стало видно, что нижняя часть стен, примерно на аршин от пола, также была в плесени. По стенам ползали мокрицы величиной с мизинец. Сырой, невероятно затхлый воздух сдавил дыхание.

Надзиратель с фонарем вышел, и каменная могила, в которую был заточен узник, погрузилась во мрак.

До утра он не мог заснуть. Слух улавливал, как каждые полчаса хлопали замки, открывались и закрывались двери соседних камер, — сюда переводили других народовольцев, осужденных по «Процессу 20-ти».

Наступивший день принес неожиданное: на завтрак принесли два стакана чаю и французскую булку, на обед — вкусный суп, жареного рябчика и пирожное, на ужин — суп, слад-

кий чай и еще французскую булку. Но на следующий день, когда утром дали кружку всды и ломоть черного хлеба, на обед — тарелку кипятку, в котором плавало несколько капустных листиков и немного разваренной крупы, а на ужин — снова тарелку кипятку с капустными листьями, узники поняли: вчерашний «парад» — издевательская шутка Соколова.

Новый император Александр III послал в Алексеевский рavelин верного сторожевого пса. Соколов, бывший денщик шефа жандармов Потапова, был произведен в офицеры благодаря протекции своего барина. Из-за своей недоразвитости и малограмотности он вначале использовался лишь на черной работе: возил арестантов на допросы, дежурил в III отделении, проводил обыски.

Соколов был назначен смотрителем Алексеевского рavelина одновременно с переводом туда осужденных по «Процессу 20-ти». Царь решил его руками сгноить заключенных. Ранее существовавшие условия стали еще ужаснее. Ухудшилась пища: в день на питание узника вместо ранее отпускаемых 70 копеек стали давать 24 копейки. Заключенные были полностью изолированы друг от друга. Их жизнь проходила в полном безмолвии.

Соколов, со своей стороны, делал все возможное, чтобы жизнь заключенных стала еще невыносимее. Был, например, такой случай. Однажды народоволец Клеточников в знак протеста против голодного пайка решил ради товарищей пожертвовать собой и совсем от-

казался от пищи. Спустя неделю в камеру к Клеточникову в сопровождении жандармов пришел Соколов и насильно накормил его щами и кашей. Как и следовало ожидать, через три дня Клеточников умер от воспаления кишок. Таким был Соколов. За необычайную жестокость, проявленную Соколовым к заключенным, узники прозвали его Иродом. (Позже, когда Соколова перевели смотрителем Шлиссельбургской крепости, вместе с ним туда перекочевало и это прозвище.)

Большинство камер, в которых находились народовольцы, с 1866 года (после каракозовцев)¹ оставались «нежилыми», поэтому сырость была невероятной: за ночь грибки плесени успевали настолько вырасти, что на полу образовывалась сплошная беловатая корка. Форточек в помещениях не было, вентиляторы были засорены.

Сырой воздух, более чем скудное питание — все это в сочетании с жестоким режимом Ирода делало свое дело: узники гибли от цинги, туберкулеза, некоторые сходили с ума. Через два года из пятнадцати заключенных в Алексеевском равелине в живых остались только Морозов, Тригопи и Фроленко, да в камере № 11 медленно умирал безнадежно больной и помешанный Арончик.

В первый же год заточения Морозов забо-

¹ Каракозов Дмитрий Владимирович (1840—1866) — русский революционер-террорист. 4 апреля 1866 года у Летнего сада Каракозов стрелял в Александра II, но промахнулся, был тут же арестован и заключен в Алексеевский равелин. 3 сентября 1866 года был казнен.

лел цингой. Сначала опухли от голода ноги. Они стали толстыми и неподвижными, как бревна. Узник знал, что, если опухоль дойдет до живота, наступит смерть.

Несмотря на нестерпимую боль, Морозов заставлял себя ежедневно ходить, три раза в день делал гимнастику, насколько это было возможно. Тюремный врач Вильмс распорядился давать больному каждый день кружку молока и столовую ложку какого-то противцинготного снадобья. Как только опухоль спала, молоко перестали давать.

Цинга отступила, но ненадолго. В течение трех лет она трижды возвращалась и трижды была побеждена.

После первого излечения от цинги пришла новая беда — начался туберкулез. Морозов лечился собственным способом: старался как можно меньше кашлять, а когда терпеть было невозможно, кашлял в подушку, чтобы воздух не так резко вырывался и не разрывал язвочки в легких.

В 1883 году был момент, когда, как сообщил доктор Вильмс Александру III, «Морозову осталось до смерти три дня». А через месяц он докладывал императору: «Морозов обманул смерть и медицинскую науку и начал выздоравливать». (Через четверть века, когда Морозов выйдет на волю и пойдет к врачу, тот, осмотрев его, обнаружит большой рубец прошедшего туберкулеза на правом легком и несколько маленьких — на левом).

В Алексеевском равелине не разрешали ни читать, ни писать. Для такого человека, как Морозов, это тоже было пыткой. Помог слу-

чай. Однажды в камеру вошел духовный шпион — тюремный священник — и развязно начал задавать вопросы отнюдь не душеспасительного порядка. Морозову мгновенно пришла в голову мысль использовать этот визит и получить для критического разбора литературу историко-религиозного содержания. С этой целью он стал высказывать священнику свои сомнения по некоторым вопросам религии.

— Я ведь и Библии-то никогда толком не читал, — наивно заявил он.

— Сегодня же принесу вам книги, — попался на удочку поп.

Истосковавшись по чтению, Морозов с жадностью набросился на принесенные книги и в течение нескольких месяцев прошел весь курс богословия. Как раз в это время у него сложились сюжеты его будущих книг: «Откровение в грозе и буре», «Пророки», «Апокалипсис с астрономической точки зрения» и другие.

В Петропавловской крепости Морозов провел четыре года.

* * *

Тем временем Александр III уготовал для народовольцев новую «государственную» тюрьму на 40 камер в Шлиссельбургской крепости. Заключение в эту тюрьму царь рассматривал как самое сильное наказание, по сравнению с которым смерть могла бы показаться легкой карой.

4 августа 1884 года сюда были перевезены оставшиеся в живых равелинцы, а также

узники Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, Карийской каторжной тюрьмы и центральных харьковских тюрем.

В Шлиссельбургской крепости Морозов стал заключенным № 4: здесь, как и в Петропавловской крепости, именем и фамилией узника был номер его камеры.

Только немногие, самые сильные духом, смогли пережить первые, наиболее тяжелые годы новых испытаний. Здесь царила ужасная инструкция со множеством параграфов, нарушение которых грозило кандалами, розгами и смертной казнью. Не в силах выдержать болезни, голод, тоску и одиночество узники умирали один за другим. Их трупы выносили по ночам и при свете фонаря зарывали на берегу.

Количество безымянных холмиков росло. Встревоженное многочисленными смертями заключенных начальство крепости в 1888 году пошло на уступки. Улучшилось питание узников, в их распоряжение была предоставлена конфискованная у кого-то обширная библиотека научных книг, заключенным разрешили пользоваться письменными принадлежностями. Это было спасением. С этих пор все долгие годы заточения в Шлиссельбургской крепости Морозов посвятил науке. Он день за днем обдумывал и набрасывал на бумаге гипотезы, делал бесконечные вычисления, составлял таблицы, схемы и формулы.

Проходили лучшие годы жизни, впереди же была одна перспектива — еще одним безымянным холмиком станет больше на малень-

Третий корпус (народовольческий) Шлиссельбургской крепости.

кой косе у крепостной стены. Ведь заключение в эту твердыню самодержавия для большинства узников было просто замаскированной смертной казнью. А Морозов, несмотря ни на что, работал, работал, работал, ибо верил, что его идеи рано или поздно принесут человечеству пользу. Так, в совершенно невероятных условиях царской каторги рождался ученый-энциклопедист, ученый-теоретик, внесший огромный вклад в отечественную науку. И когда могучий напор общественного движения 1905 года распахнул ворота Шлиссельбургской крепости, Морозов, покидая остров страдания и смерти, увозил

с собой 26 рукописных томов своих научных трудов.

В Шлиссельбургской крепости Морозов пробыл 21 год.

* * *

После освобождения Морозов всецело отдался научно-педагогической деятельности. Одну за другой он опубликовал книги, в основном созданные еще в заточении. Это были труды по математике, физике, метеорологии и, главным образом, — по химии и астрономии. Ученый мир России и зарубежных стран сразу оценил огромное значение работ Морозова, оценил его блестящие, смелые и оригинальные гипотезы.

В книгах «Периодические системы строения вещества»¹ и «Д. И. Менделеев и значение его периодической системы для химии будущего» Морозов теоретически предсказал существование инертных элементов, высказал новое для того времени представление о сложном строении атома, которое ученый связал с сущностью периодического закона химических элементов. Морозову принадлежат идеи о возможности разложения атомов и синтеза элементов, который он считал важнейшей задачей химии будущего, а также идеи о

¹ Много лет спустя выдающийся советский ученый академик И. В. Курчатов говорил об этой книге следующее: «Современная физика полностью подтвердила утверждение о сложном строении атомов и взаимопревращаемости всех химических элементов, разобранные в свое время Н. А. Морозовым в монографии „Периодические системы строения вещества“».

Шлиссельбург
28 октября 1905 год.

1885 Петро Антонов
1881² Михаил Попов, 22 февр.
1881¹ Николай Морозов, 28 днв.
1884 Германъ Попитинъ
1886 " 3 днв. Сергей Ивановичъ
1887 3 мар. Михаил Новорусский
17 марта. Мих. Фроленко
1881
Иосифъ Лукашевичъ марта 1887г.

Грифельная доска, на которой 8 человек, освобожденных из Шлиссельбургской крепости 28 октября 1905 года, оставили свои автографы.

Из Музея Революции СССР.

возможности использования внутриатомной энергии. Позднее (в 1918 году) Морозов выдвинул предположение о том, что новые звезды могут возникать в результате взрыва уже существующих светил под влиянием радиоактивного распада вещества.

Морозов был избран членом совета биологической лаборатории Лесгафта и профессором астрономии Высших курсов Лесгафта.

После выхода в 1907 году книги «Периодические системы строения вещества» его избрали профессором аналитической химии Вольной высшей школы. Д. И. Менделеев восторженно оценил эту работу и добился, чтобы Шлиссельбуржцу за труд, созданный в тюрьме, присвоили звание доктора наук.

Имя Морозова стало чрезвычайно популярным во всей России. Его уже знали и как ученого, и как борца, перенесшего невероятные страдания за народное дело. И. Е. Репин написал маслом его портрет, Л. Н. Толстой пригласил в Ясную Поляну. Во многих городах он читал публичные лекции по воздухоплаванию и тогда еще юной авиации. Доходы с этих лекций Морозов отдавал в пользу бедных студентов и на нужды политических ссыльных.

Царская охранка, хотя и установила постоянный надзор за Морозовым, но в общем-то была убеждена, что революционный дух бывшего узника Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей сломлен. В этом царевы слуги глубоко ошибались. Десятки лет, проведенные в условиях строгого заточения, не

заставили Морозова отказаться от тех свободолюбивых стремлений, за которые царизм отнял у него молодость и лучшие годы жизни.

В 1910 году Морозов выпустил в московском издательстве «Скорпион» сборник стихов под названием «Звездные песни». Книжка поступила в продажу, но через два месяца была конфискована правительством, а автор ее был вызван в суд.

В обвинительном акте указывалось: «...на предварительном следствии осмотром книги «Звездные песни» установлено, что таковая представляет собой сборник стихотворений, в числе коих оказался ряд стихотворений, возбуждающих к учинению бунтовщического деяния и ниспровержению существующего в России государственного и общественного строя и заключающих выражения дерзостного неуважения к верховной власти».

Обвинительный акт был довольно длинный: в нем приводились отдельные строфы, фрагменты и целые стихи из сборника. Особо отмечались стихи, в которых поэт предсказывал приближение времени «грозных революций» и «бурных потрясений». Цитировалась, например, песня из стихотворения «Встреча»:

Мрак гробовой,
Густ и суров,
Лег над страной
Вечных рабов.
Горе и гнет
В каждом селе,
Гибнет народ
В рабской земле.
Выйдем же, братья, на мщенье великое,

Варварство злобное, варварство дикое
Всюду над нашей страной царит,
Все в ней живое мертвит.
Пусть нас в цепях
Годы томят,
Пусть в рудниках
Нас уморят,
Тех, кто с врагом
В битве падет,
Вспомнит добром
Русский народ...
Время придет — пред работой упорною
Рухнет насилия зданье позорное,
И засияет над русской землей
Солнце свободы святой!

В стихотворении «Пророк» автор убеждал, что скоро придет время, когда

Царство злобы, угнетенья в буйном вихре сгинет,
И престолы всех тиранов буря опрокинет.
Первым рушится кровавый, окруженный мглою
Трон старинного насилья, рабства и застоя.
И под небом, освещенным заревом пожаров,
Власть меча погибнет в треске громовых ударов.
А затем, шатаясь, рухнут вечной тьмы престолы...

В обращении к читателям Н. А. Морозов писал: «Не все эти песни говорят о звездах... Нет! Многие из них были написаны во мраке непроглядной ночи, когда сквозь нависшие черные тучи не глядела ни одна звезда. Но в них было всегда стремление к звездам... Здесь я собрал все, что было написано мною после освобождения, и прибавил то, что мог припомнить из написанного в Стенах Невели и что можно было прибавить, не рискуя конфискацией этой книжки».

Но предосторожность Морозова не спасла его от тюрьмы. Суд приговорил Морозова к годовичному заключению в Двинской крепости.

Здесь он написал свои известные мемуары «Повести моей жизни», художественную сторону которых высоко оценил Л. Н. Толстой.

* * *

Пережив царствование четырех императоров, Николай Александрович Морозов приветствовал победу пролетарской революции, осуществившей цель его жизни — свержение самодержавия. Только теперь развернулась во всю ширь научная деятельность этого бывшего узника самых страшных государственных крепостей. Только теперь он познал великое счастье плодотворно трудиться на благо родной страны.

После Октябрьской революции Морозова избрали директором института им. П. Ф. Лесгафта. Он продолжал вести научную и педагогическую деятельность. Являясь одним из пионеров лётного дела в России, он с самого начала стал членом научно-технического комитета Всероссийского аэроклуба и председателем секции научных полетов, а в 1926 году ему было предложено руководить научной авиацией СССР. 29 марта 1932 года Академия наук СССР избрала Н. А. Морозова почетным членом по отделениям химических и физико-математических наук. Он был награжден двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Умер Н. А. Морозов на 93-м году жизни, 31 июля 1946 года.

Последние годы Н. А. Морозов жил на родине, в имении Борок Ярославской области, которое было закреплено за ним по личному

указанию Владимира Ильича Ленина. Имя это Николай Александрович передал Академии наук, которая учредила там Верхневолжскую научную базу. Сейчас в доме, где жил и умер Н. А. Морозов, организован музей его имени.

Еще при жизни Морозова Советское правительство присвоило его имя заводскому поселку на правом берегу Невы, у ее истоков из Ладожского озера. А в тридцатые годы, когда пулковские астрономы открыли неизвестную малую планету — астероид, они назвали ее именем Николая Александровича. Сейчас астероид «Morosovia» включен во все звездные карты мира.

Владимир Степанович Озеров
„Н. А. Морозов“

Редактор С. М. Серпокрыл
Технический редактор А. И. Сергеева
Корректор Н. Г. Фомичева

Сдано в набор 18/III 1966 г. Подписано к печати 18/IV 1966 г.
Формат бумаги $70 \times 90^{1/32}$. Физ. печ. л. 1,125. Усл. печ. л. 1,32
Уч.-изд. л. 1,24 Тираж 75 000 экз. М-11662. Заказ № 464
Работа объявлена в Т. п. 1966 г., № 108

Лениздат, Ленинград, Фонтанка, 59
Типография им. Володарского Лениздата, Фонтанка, 57

Цена 4 коп.

4-коп.

1966
Лениздат